

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССОВ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Леминов М.В.

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

Регламентация поведения: как социология и криминология определяют границы дозволенного

Устоявшаяся дихотомия «нормального» и «девиантного» поведения представляет собой не объективную данность, но один из наиболее влиятельных социальных конструктов. Воспринимая эти категории как аксиоматичные, мы склонны игнорировать их историческую изменчивость и зависимость от конкретного социокультурного контекста. В действительности, за видимым порядком скрывается перманентный процесс социального конструирования, в рамках которого социология и криминология выступают не в роли пассивных наблюдателей, но в качестве активных архитекторов нормативных систем.

Эти дисциплины функционируют как институты легитимации, чьи теоретические парадигмы и категориальный аппарат – от абстрактных социологических концепций до конкретных правовых дефиниций – формируют коллективное восприятие социальной реальности. Они задают систему координат, создавая своего рода нормативную картографию, где априори обозначены дозволенные векторы поведения и зоны табуированного. Таким образом каждое исследование, статистический отчет или классификация представляют собой не столько рефлексию наличной реальности, сколько акт ее активного структурирования – дискурсивную практику, в ходе которой экспертное сообщество в диалоге с политическими и медийными акторами определяет, какие поведенческие паттерны маркируются как «проблема», а какие получают статус «нормы».

Следовательно, профессиональная деятельность социологов и криминологов может быть определена как непрерывный процесс демаркации тех самых символических границ, которые организуют коллективное существование. Эти границы отнюдь не статичны: их конфигурация постоянно пересматривается под влиянием социальных трансформаций, идеологических противостояний и культурных сдвигов. Наглядной иллюстрацией данной динамики служат многочисленные исторические трансформации, когда вчерашние «девиации» (например, истерия или бродяжничество) переосмыслились как варианты индивидуального выбора или медицинские состояния, а прежде осуждаемые практики – подвергались административной или уголовной регламентации.

**ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА :**

материалы всероссийской научно-практической конференции
(с международным участием) (Красноярск, 23 октября 2025 года)

Находясь в эпицентре этого процесса, социология и криминология не только обеспечивают его концептуальными основаниями, но и продуцируют саму легитимность властного дискурса – дискурса, наделенного правом определять, клеймить и регулировать. Именно через производимое ими знание общество усваивает дистинкцию между «соответствующим» и «маргинальным», формируя иерархию поведенческих моделей – от социально одобряемых до тех, что подлежат осуждению, коррекции или уголовной репрессии.

Рассматривая этот процесс, мы видим, как две дисциплины, действуя в едином поле, используют разные, но взаимодополняющие механизмы влияния. Социология действует на уровне символической власти, выступая в роли «фабрики нормальности». Ее сила – не в прямом принуждении, а в праве определять, что является социальной «проблемой». Через такие концепции, как аномия, навешивание ярлыков или стигматизация, социология не только объясняет причины отклоняющегося поведения, но и легитимирует одни его трактовки и маргинализирует другие. Выделяя группы «риска» и конструируя образ «другого», она создает символические карты, по которым общество учится распознавать и отторгать тех, кто выходит за установленные рамки. В свою очередь, криминология служит прямым мостом между этими социальными конструкциями и государственным принуждением. Ее главная задача – операционализировать абстрактные нормы, переводя их на язык конкретных правовых кодексов, составов преступлений и санкций. Разрабатывая теории причин преступности – будь то биологические, психологические или социальные, – криминология предоставляет государству научно обоснованный инструментарий для легитимации карательных и профилактических мер, превращая тем самым моральные суждения в акты формализованной репрессии.

Однако было бы упрощением рассматривать данное взаимодействие как гармоничное разделение труда. Отношения между социологией и криминологией характеризуются фундаментальной амбивалентностью, в рамках которой перманентно воспроизводится продуктивное методологическое и идеологическое напряжение. Это напряжение проистекает из базового эпистемологического различия: если криминология в значительной степени ориентирована на функциональность социального контроля и легитимацию правоприменительных практик, то социология, особенно в ее критической традиции, ставит под радикальное сомнение сами основания этого контроля.

Социологический дискурс, вооруженный аппаратом критической теории, последовательно демистифицирует мнимую «естественность» и «объективность» уголовно-правовых норм. Путем скрупулезного исто-

рического и структурного анализа он вскрывает укорененную в них системную предвзятость – классовую, расовую и гендерную. Так, например, социология проблематизирует сам процесс криминализации, демонстрируя, как правовая система селективно фокусируется на уличной преступности, маргинализируя при этом более разрушительные формы экономического и экологического девиантного поведения. Эта критика находит свое наиболее яркое эмпирическое подтверждение в феномене селективного правоприменения, когда правоохранительные практики непропорционально нацелены на уязвимые социальные группы, тем самым не столько отражая реальный уровень преступности, сколько воспроизводя и закрепляя существующие социальные иерархии и неравенства. Криминология в ответ часто выступает с позиций прагматизма, оспаривая излишний релятивизм социологии и настаивая на необходимости защиты общества от реального вреда, тем самым постоянно возвращая вопрос в практическую плоскость. Таким образом, через этот диалог и конфликт и происходит постоянное пересотворение границ дозволенного. В конечном счете, социология и криминология предстают не как нейтральные науки, а как составные части системы управления современным обществом. Их дискурсы, исследования и категории формируют саму ткань социальной реальности, определяя, какие поведения подлежат осуждению, терапии, исправлению или наказанию. Понимание этого механизма позволяет увидеть, что регламентация поведения – это не просто наложение внешних ограничений, а глубокий и непрерывный процесс, в котором научное знание и социальный контроль оказываются неразрывно связанными.

Городищева А.Н.,

доктор культурологии, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск)

Социотехнические фантазии и правосознание

Растущее внимание к масштабным задачам преобразования реального мира поднимает волну творческого воображения и построения альтернативных сценариев будущего. Обращение к воображению и концептуальные сценарии в фортсайт-исследованиях, фантастические проекты и виртуальные миры, игровые вселенные и проекты полетов на другие планеты существуют в общественном сознании, и одновременно участвуют во вполне реальных процессах, например, купли-продажи, планирования бюджетов, создания интеллектуальной собственности и др. При этом